Будущее белорусской многовекторности

Евгений Прейгерман

Резюме

Новая политическая реальность, в которой после президентских выборов 2020 года оказалась Беларусь, безусловно, будет иметь серьезные последствия для внешней политики страны. Как минимум, уже произошел коренной надлом в отношениях с Европейским союзом и США. А и без того объективно ключевое внешнеполитическое значение России усиливается еще больше.

Содержание

1 Что такое многовекторность?
2 Как изменяются международные условия?
3 Конец белорусской многовекторности?

В этих условиях возникает естественный вопрос: какой теперь может/должна быть внешняя политика Беларуси? Свой вариант ответа уже предложил председатель Постоянной комиссии по международным делам Палаты представителей Национального собрания Андрей Савиных. По его мнению, Минску следует оставить в прошлом концепцию многовекторности и выработать новую внешнеполитическую доктрину.

Не будем детально анализировать предложения Андрея Савиных, так как они пока носят характер политического заявления, а не содержательной концепции. По крайней мере, из них сложно понять, какая именно альтернатива предлагается и чем она принципиально отличается от существовавших более двух десятилетий общих внешнеполитических установок руководства Беларуси. Однако попробуем в целом порассуждать о том, есть ли будущее у белорусской многовекторности.

Для этого ответим на два вопроса. Что такое многовекторность? И насколько релевантной она остается для Минска в новых международных условиях? При этом новизна условий связана не только и даже не столько с последствиями

внутриполитического кризиса в Беларуси, сколько с происходящей структурной трансформацией всей системы международных отношений.

Что такое многовекторность?

Несмотря на регулярное использование термина «многовекторность» в программных документах, выступлениях официальных лиц и медийном дискурсе в подавляющем большинстве постсоветских государств, определить содержательное наполнение термина достаточно сложно. В этом смысле показательно, что в научной литературе фактически отсутствует проработанная и признанная теоретическая концепция многовекторности. Пожалуй, наиболее серьезной попыткой предложить такую концепцию является исследование Елены Гнединой «Многовекторная внешняя политика в Европе: балансирование, примыкание или торг?».

Сама Гнедина подчеркивает, что активно говорящие о многовекторности постсоветские лидеры никогда не давали ее точного определения, ссылаясь на абстрактную идею о «сотрудничестве и сосуществовании со всеми региональными центрами силы». По ее мнению, для республик, расположенных в европейской части бывшего СССР, это подразумевает стремление «чередовать сотрудничество с Россией и ЕС, оставаясь на периферии выстраиваемых ими региональных порядков». И в развитие этого общего тезиса Гнедина утверждает, что:

«“многовекторные” государства в своей внешней политике и не балансируют, и не примыкают – постсоветские элиты торгуются по поводу условий сотрудничества с конкурирующими между собой внешними акторами. Так как их потенциал на международной арене очевидно ограничен, постсоветские государства стараются повысить свои возможности с помощью тактического маневрирования, преследуя при этом собственные цели. Последние включают максимизацию экономических и политических возможностей, а также сохранение какой-то степени автономности от обоих внешних акторов, что позволяет продолжать с ними торг. [...] При этом в какие-то моменты они удовлетворяют требования более сильных внешних акторов, чтобы снизить их давление, а в какие-то – маневрируют между ними, чтобы договориться о более выгодных условиях сотрудничества с одним из них или сразу обоими».

Подход Гнединой базируется на теории переговоров, из которой она выводит различные модели поведения «многовекторных» государств. Это позволяет описывать и анализировать действия государств в конкретных ситуациях торга.

Однако именно в этом заключается и теоретическая недостаточность: описание того, как многовекторность используется в конкретных изолированных ситуациях, не дает нам полного представления о всей внешней политике государства. Другими словами, как торг с покупателем на рынке является лишь одним из элементов бизнес-деятельности продавца, точно так же и переговоры/торг с партнерами по конкретной теме являются лишь элементом всей внешнеполитической деятельности государства.

Не вдаваясь дальше в теоретические рассуждения, отметим, что торг с самыми разными внешними партнерами любое государство (а не только декларирующее многовекторность) ведет постоянно и на различных уровнях.

> И каждое государство прикладывает все свои внешнеполитические усилия, чтобы торги на всех уровнях давали ему в итоге максимально позитивную сумму. В этом заключается суть внешней политики, и в этом смысле все суверенные государства многовекторны.

Однако внешнеполитические стратегии у всех государств разные, что связано с разными условиями, в которых они находятся. Даже среди постсоветских республик сложно найти идентичные внешнеполитические доктрины. Общее у них – это лишь та самая абстрактная идея о «сотрудничестве и сосуществовании со всеми региональными центрами силы».

На таком уровне абстракции неизбежно возникает глобальное и неразрешимое противоречие между базовыми интересами сравнительно небольших «многовекторных» государств и региональных гегемонов. Первые понимают свою многовекторность как развитие максимально широкого круга возможностей во внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности. Притом для многих, в том числе Беларуси, именно экономическая рациональность является первичной. Не случайно формулу диверсификации внешней торговли «30-30-30» Александр Лукашенко называл не иначе, как формулой суверенитета. В то же время региональные гегемоны (в том числе Россия и некоторые государства ЕС) склонны воспринимать многовекторность постсоветских стран как попытку «усидеть на двух стульях». Что имеет в их представлении исключительно геополитическую и потому негативную коннотацию.

Как изменяются международные условия?

Система международных отношений находится в процессе трансформации. И это уже исторический факт. Однополярная модель, основанная на глобальной гегемонии США, постепенно преобразовывается в новую модель с еще не до конца понятными очертаниями. Очевидно лишь то, что главным структурирующим фактором этой модели будет стратегическая конкуренция между США и Китаем. Однако практически исключено (по крайней мере, при сохранении имеющихся трендов), что в итоге система вновь станет строго двухполярной, как это было в годы Холодной войны.

В новой системе будет минимум 5-6 региональных держав, которые уже обладают и продолжат обладать широкими возможностями, влиянием и автономией. Пекин и Вашингтон будут вынуждены выстраивать отношения партнерства с какими-то из них, так как не смогут навязать им отношения подчинения и будут нуждаться в них для конкуренции друг с другом. При этом интересы всех этих держав будут достаточно различаться, что сделает невозможными устойчивые коалиции между ними.

> Сторонники идеи о конце многовекторности в Беларуси и других постсоветских республиках опираются на тезис о том, что процесс глобализации дал импульс другому процессу – глокализации. В результате, по их утверждениям, вокруг региональных держав по всему миру начали образовываться мощные макрорегионы, которые и сформируют основу новой многополярности.

По мере трансформации системы международных отношений, согласно этому аргументу, макрорегионы становятся самодостаточными, а сотрудничество между ними резко сокращается или даже уступает место противостоянию. Соответственно, делается вывод, что Беларуси нужно просто сконцентрировать 100% своего внешнеполитического внимания на евразийском макрорегионе, к которому она уже принадлежит.

Однако есть ли основания для таких ожиданий и выводов?

Значимость регионов в международных отношениях действительно повышается и продолжит повышаться. Но в отличие от времен Холодной войны, вероятность возникновения в обозримом будущем нового «железного занавеса» или его регионального аналога где бы то ни было в мире мизерна. Взаимосвязанность и взаимозависимость между государствами, претендующими на лидерство в новой

системе, слишком велики и глубоки – и прежде всего, между США и Китаем. Поэтому, пользуясь словами сингапурского дипломата и ученого Билахари Каусикана, «амбивалентность является самой значимой характеристикой всех отношений между ключевыми государствами». И именно амбивалентность будет основной характеристикой отношений между регионами.

Следовательно, и геополитическая борьба претендующих на региональное лидерство государств не может быть похожей на конфронтацию между США и СССР времен Холодной войны. В том числе в плане создания и поддержания жестких сфер влияния. А без «железного занавеса» и жестких сфер влияния у малых стран по определению больше пространства для маневра, которым они неизбежно будут пользоваться в своих интересах. Да и в интересах великих держав сохранять, как минимум, экономические и логистические связи, в которых задействованы малые страны. А как максимум – следовать старому рецепту Генри Киссинджера: снижать напряженность между собой, позволяя менее сильным странам брать ответственность за не самые важные международные проблемы.

При этом фрагментация и переформатирование логистических и производственных цепочек уже в среднесрочной перспективе практически неизбежны, особенно на фоне пандемии COVID-19 и общей неопределенности будущего. С помощью экономической регионализации государства по всему миру будут хеджировать риски. Например, в ЕС будут стараться заместить (или дополнить) импорт стратегически важных товаров из далеких регионов либо собственным производством, либо импортом из соседних стран. И в этом смысле регионализация будет подразумевать не оформление политических блоков, а географическую концентрацию критических производств, которая не может полностью совпадать с границами региональных интеграционных объединений. В результате эффект от экономической регионализации будет прямо противоположным ожиданиям сторонников идеи о конце многовекторности.

Регионализация производственных и логистических цепочек будет создавать еще большие предпосылки для многовекторности стран, в том числе Беларуси. Там, где в глобальной системе разделения труда белорусские производители были неконкурентоспособными, регионализация будет открывать для них новые возможности. Как всегда, чтобы воспользоваться этими экономическими возможностями, будут нужны благоприятные политические отношения с соседями и ключевыми государствами в регионе.

Конец белорусской многовекторности?

Резюмируя, сложно обнаружить объективные причины, из-за которых отказ от многовекторности соответствовал бы интересам Беларуси.

Во-первых, любая суверенная внешняя политика по определению многовекторна, даже если один из векторов явно доминирует над всеми остальными (что мы и имеем в случае Беларуси). Так как любое государство – от великих держав до малых стран – получает тем больше возможностей в международных отношениях, чем более широкое у него поле для маневра. А чем у́же это поле, тем с большей вероятностью государство не только не реализует свои национальные интересы, но и вообще потеряет международную субъектность.

> Поэтому предложение об отказе от самой идеи многовекторности является нонсенсом для любого суверенного государства. Особенно такого, как Беларусь – расположенного в центре Европы, в зоне «наслоения» цивилизационных платформ, пересечения торговых путей и соприкосновения интересов великих держав.

Во-вторых, нет и структурных предпосылок для отказа от белорусской многовекторности. По выражению Федора Лукьянова, в результате происходящей трансформации системы международных отношений «всевластие “больших” не исчезает до конца, но размывается». А это, говоря по-простому, и есть идеальная среда для многовекторности небольших государств, которая предоставляет им возможность в полной мере реализовывать собственную международную субъектность. Притом в большинстве случаев в выигрыше от нее остаются не только сами небольшие государства, но и региональные и великие державы, которым многовекторность малых стран позволяет решать некоторые свои проблемы. Как в области экономики, так и безопасности.

В-третьих, отказ от многовекторности шел бы вразрез и с общественным мнением в Беларуси. Социологические исследования традиционно фиксируют доминирующие установки белорусских граждан на одновременное сотрудничество со всеми ключевыми зарубежными партнерами. Даже если политическая обстановка в мире или регионе делает такое сотрудничество проблематичным. В последние годы общенациональные опросы на политические темы затруднены в Беларуси, однако в тех редких случаях, когда исследования проводятся, результаты подтверждают многовекторные предпочтения общества.

Важность этих данных не в том, какую роль в процессе принятия управленческих решений в Беларуси играет общественное мнение. А в том, что уход от многовекторности в стране, в которой ни один отдельный внешнеполитический вектор не имеет даже трети сторонников, чреват еще большим усилением общественно-политического раскола. Поэтому худшее, что можно сделать в условиях уже разразившегося внутриполитического кризиса, это объявить об окончании многовекторности.

Публикация подготовлена при поддержке белорусского офиса Фонда им. Конрада Аденауэра (Германия). Ее содержание отражает исключительно мнение автора.

Евгений Прейгерман
директор Совета по международным отношениям «Минский диалог»